

Глава 3

Миновав парадные ворота и прохладную галерею Террасы Крика Журавля, гости оказывались в просторном, искусно разбитом саду.

Среди пышного разнообразия диковинных цветов и редких трав здесь высился огромный Алтарь Небес, фланкированный двумя величественными строениями: левым и правым.

В левой, Башне Словесности, обычно собирались ученые мужи и юные последователи конфуцианства, чтобы состязаться в стихосложении, вести споры о делах минувших и настоящих, а также толковать священные каноны управления государством. Правая же, Башня Воинских Состязаний, служила ареной для всевозможных состязаний и поединков. Любой, кто обладал мало-мальски известным именем и мог раскошиться, получал доступ к просторной здешней арене. В те времена игра в кости и костяшки пайгоу еще не завладела умами обывателей целиком, а потому тоже относились к ведению Военной башни.

Именно в Башне Воинских Состязаний и развернулось противостояние между Ху Пэем и Чао Цо.

Внутри огромной золоченой клетки стоял невообразимый гвалт. Под яростное кудахтанье во все стороны летели перья — пестрые, золотисто-зеленые с черными подпалинами, они принадлежали Великому Генералу.

В тот самый миг, когда Черный Генерал, распустив крылья, прижал соперника к земле и принялся нещадно клевать его в загривок, Ху Пэй незаметно поднес ладонь к маске, прикрывая рот.

Сквозь несмолкаемый гул разгоряченной толпы прорвалось несколько резких, отрывистых щелчков: «Ка-ка-ка!»

Этот звук, почудившийся Черному Генералу предсмертным криком ласки, вонзился в его уши. От ужаса петух оцепенел и лишь испуганно закопошился.

Великий Генерал не упустил свой шанс. Извернувшись под грудью противника, он резко выпрямился и с силой клюнул Черного Генерала прямо в горящий золотисто-красный глаз.

Тихое пощелкивание, изданное Ху Пэем, осталось незамеченным орущей от азарта толпой.

Однако стоявший бок о бок с ним Ху Ян озадаченно покосился на брата. Почувствовав этот взгляд, Сяо Цзю поднял глаза. Из прорезей белой маски с алыми узорами на него глядел глубокий, точно драгоценный жемчуг, взор. В них зыбкой дымкой клубился таинственный, завлекающий свет, словно тончайшие шелковые нити.

Ху Ян с трудом сглотнул и ощутимо ткнул локтем в бок Ху Линя, который во все глаза пялился на золотую клетку.

— Ты чего тут раскаркался под ухо?

Тот уставился на него в полнейшем недоумении. Он и впрямь слышал только что странные звуки, но все произошло слишком быстро, чтобы понять, откуда они исходили. Да и какая разница?

— Ой, смотрите! Великий Генерал выклевал ему глаз! Невероятно! — Цай Цзыцзинь, соученица по начальной школе Белого Коня, восторженно захлопала в ладоши и подскочила ближе. — А-Пэй, ты побеждаешь!

Ху Пэй мягко уклонился от ее руки, попытавшейся ухватить его за рукав, и молча кивнул, не сводя взгляда с арены.

Его боевой петух оправдал ожидания. Способность вовремя притаиться, а затем нанести сокрушительный контрудар доказала, что изнурительные тренировки последних дней прошли не даром.

ЧАО ЦО в бешенстве вытаращил глаза и, отчаянно жестикулируя, заорал во все горло:

— Вставай, Черный Генерал, недоносок куций! Проиграешь — велю в суп тебя сварить! Клюй его, клюй!..

Но ослепший на один глаз Черный Генерал лишь испуганно вжимал голову в плечи, плотно прижимая крылья и беспорядочно пятясь на своих когтистых лапах.

Резкие щелчки, пронзившие его слух мгновением ранее, лишили его всякого мужества.

Против природы не пойдешь: любой домашней птице суждено цепенеть от ужаса при звуках голоса дикой ласки.

Великий Генерал прижал противника к прутьям клетки и, вытянув шею, молниеносным ударом лишил Черного Генерала второго глаза. Победно захлопав крыльями, триумфатор принялся кружить по арене, оглашая воздух не испуганным квохтаньем, а зычным, раскатистым кукареканьем.

Его поверженный соперник жалко сжался в углу, зарыв окровавленную голову глубоко под крыло.

— Победа! Мы победили! — наперебой заорали Ху Линь и Ху Сун.

Окружившие их ученики Начальной школы Белого Коня тоже разразились радостными криками, спеша поздравить Ху Пэя с триумфом.

На галерее второго этажа благородные господа и склонные к веселью девицы разразились смехом. Кто-то сыпал шуточками, кто-то досадовал на проигранную ставку, а кто-то искренне качал головой со вздохом сожаления.

Покрасневший от ярости и стыда Чао Цо даже не взглянул на своего покалеченного питомца. Локтями расталкивая зевак, он ринулся к выходу.

Но если лицо его еще сохраняло остатки спеси, то тучное телосложение не позволяло проскользнуть незамеченным сквозь плотное кольцо наблюдателей, которые только и ждали этого момента.

Ху Ян намеренно преградил ему дорогу. Высоко задрав подбородок, он с издевкой бросил:

— И куда это мы так торопимся? А ну-ка, разоблачайся догола, седлай свою драгоценную кобылу и марш на улицу — народ развлекать!

Толпа дружно загоготала, подливая масла в огонь едкими выкриками.

— Ты!..

Чао Цо злобно уставился на Ху Яна, а затем перевел взгляд дальше, на стоявшего позади него Ху Пэя. Тот держался с невозмутимым, даже слегка ленивым изяществом.

Проигравшийся юнец стиснул зубы так, что заходили желваки. Глаза его налились кровью от бессильной ярости, но он совершенно не знал, как выплеснуть скопившуюся обиду.

— Ой-ёй-ёй, уж не плакать ли ты собрался? — Ху Ян притворно отпрянул на шаг, картинно изумляясь. — Когда ты перед воротами училища при всем честном народе поносил нашего Сяо Цзю, о его чувствах ты что-то не думал! Ну так кто из вас после этого девка плаксивая?

— Кто первый разнюнился, тот и баба! — подхватили из толпы под дружный хохот.

— Да с чего ему обижаться?! — крикнул Чао Цо, с трудом сдерживая подступающие слезы. — Он же сам заставил меня на колени встать перед всеми!

Но его слова потонули в язвительном хоре голосов — толпа наперебой принялась стыдить его за бесстыдство и глупость. Вне себя от гнева и бессилия, Чао Цо грубо толкнул Ху Яна и, продравшись сквозь кольцо окруживших его людей, пустился наутек.

Личные слуги поспешили за ним следом.

Впрочем, уйти ему удалось лишь потому, что Ху Пэй вовремя сделал знак Ху Линю утихомирить особенно рьяных соучеников, преграждавших дорогу беглецу.

Когда товарищи по учебе принялись наперебой благодарить его за славное зрелище, Ху Пэй лишь вежливо склонил скрытую маской голову.

Тем временем Ху Сун уже пересадил обоих петухов из золоченого вольера обратно в дорожную бамбуковую корзину.

Ху Пэй повернулся к раздосадованному легким побегом врага брату и негромко произнес:

— Шестой брат, сделай милость, наведайся в поместье господина Чао Гана. Скажи ему дословно следующее: «Черный Генерал лишился глаз, а вместе с тем угасла и его бывшая отвага. Пусть этот искалеченный боец послужит скромной данью за нашу победу. Что же касается уговора о позорном шествии по улицам, то сие было не более чем юношеской забавой».

Ху Ян опешил, явно не понимая скрытого умысла:

— С какой стати? Неужели ты так просто спустишь ему все те гнусные оскорбления? И вообще, почему я? Отправь Ху Суна или Ху Линя.

Ху Пэй чуть склонил голову набок и с улыбкой парировал:

— Если они уйдут, то кто понесет меня домой? Ты, шестой брат? Или, быть может, ты предпочтешь тащить корзину с петухами?

«Хм...»

Ху Ян прикинул, что донести младшего на закорках он бы еще согласился, но только в пределах родных стен — не по улицам же позориться.

— Ладно, схожу. Ты уверен, что передать нужно именно эти слова?

Получив утвердительный кивок, он отправился выполнять поручение, а Ху Пэй в окружении соучеников неспешно покинул Террасу Крика Журавля.

На втором ярусе Башни Воинских Состязаний кто-то восхищенно прищелкнул языком:

— Изящно сыграно! «Ослеп и лишился отваги»... Не превзойден в остроумии господин Линцзюнь. Какую тонкую задачу он подбросил нашему младшему министру образования!

— Поясни, в чем соль? — полюбопытствовал другой. — Разве речь идет не о банальном петухе? Как по мне, Ху Пэй проявил истинное великодушие: не стал требовать позорной кары для этого упряма Чо Цо. А ведь тот без умолку честил его девкой при всем честном народе! Ха-ха-ха!

— И то правда! Мал еще, а благородство истинного мужа выказывает. Широкая душа!

Собеседник лишь сокрушенно покачал головой, глядя на простодушных юношей и девиц:

— Наш Ху Пэй хитрее тысячетлетнего лиса. Попомните мои слова: не пройдет и пары дней, как начнется самое интересное.

□□□□□□□□□□

Слушатели переглянулись, так и не разгадав скрытого смысла его слов.

За порогом Террасы Ху Пэй попрощался с товарищами, чинно уселся на легкий паланкин, закрепленный за спиной дюжего Ху Линя, и велел трогаться.

Ми Цзяо, торопливо распрощавшись с остальными, поспешил следом.

— Эй, Ху Пэй! Сегодня же праздничный день, ты что, прямиком домой?

Тот лишь лениво склонил голову набок, убаюканный мерным шагом слуги.

— Ху Пэй, а как тебе наша Цай Цзыцзинь? — продолжал расспросы неугомонный попутчик. — Она ведь порывалась пойти с нами, да служанка ее вовремя удержала.

— Просту простить, молодой господин Ми Цзяо, — почтительно вмешался в разговор Ху Линь. — Наш хозяин сегодня поднялся еще до первых петухов, чтобы подготовиться к состязанию. Силы его на исходе, и сейчас ему необходимо вернуться в поместье, дабы отойти ко сну. Не взыщите.

Ми Цзяо застыл на месте от столь бесцеремонного отпора. Он посмотрел на мирно покачивающегося в седле Ху Пэя, а затем перевел взгляд на яркое полуденное солнце.

«Каков лежебока... Сил у него, видишь ли, нет!»

Одна манера этого сони спать прямо на уроках доводила почтенного наставника до белого

каления. Но стоило тому окликнуть нерадивого ученика, как Ху Пэй без запинки выдавал безупречный ответ. Учителю оставалось лишь скорбно вздыхать:

«Кабы этот отрок приложил должное усердие к наукам, он прослыл бы величайшим гением современности, отмеченным божественным даром. Увы, ранний расцвет ума редко сулит зрелые плоды в будущем. Какая потеря...»

Проводив взглядом процессию, Ми Цзяо заметил плетущегося позади Ху Суна с корзиной, в которой копошились победоносный Великий Генерал и ослепший боец.

«Да ну, глупости какие. Породистых петухов в столице пруд пруди, найду и получше».

Стоило им пересечь порог родной усадьбы, как дремоту Ху Пэя как рукой сняло. Взгляд его сразу же прикипел к бамбуковой клетке в руках Ху Суна.

Сорвав с лица маску, он небрежно бросил ее Ху Линю и выразительным жестом указал на пленников.

— Сию минуту отправлю на кухню, молодой господин, — Ху Сун, мгновенно разгадав намерение хозяина, расплылся в улыбке.

«Ку-ка-ре-ку-у-у!»

«Ах ты, облезлый хорь! Предатель коварный! Обещал же: коли одержу верх — отпустишь меня к моим несущкам! Душегуб!»

Великий Генерал отчаянно забился о прутья, поднимая дикий переполох.

Ху Пэй неторопливо подошел ближе. Слепой Черный Генерал испуганно дернул головой и попытался забиться в самую глубь корзины, в то время как пестрый победитель в панике захлопал крыльями, пятясь и квохча без умолку.

— Сколько шуму из-за пустяков, — поморщился Ху Пэй и приказал Ху Суну: — Ослепшего — на кухню. Сварите добрый бульон и отнесите отцу. Так и передайте: пускай укрепит здоровье перед грядущими трудами. А пестрого верните в загон к его пернатым наложницам. Считайте это... последней милостью перед неизбежным концом.

«Пощади! Свободы хочу! Своими ушами слышал твои клятвы!.. Будь проклят тот день, когда я попал к тебе в руки! Правду люди бают: если ласка петуху кланяется — жди беды!»

Ху Пэй резко обернулся и зловеще прищурился на корзину:

— Еще хоть раз пикнешь — пушу под нож весь твой выводок, от мала до велика! Будет вам и рагу, и жаркое.

Птица мгновенно затихла, вжав голову в туловище. Древний, первобытный ужас перед хищником, терзавший ее последние несколько дней, вновь сковал ее тело.

«Изверг бездушный! Мало ему было заставлять сумасшедшую бессмертную куницу орать у моей клетки дни напролет, чтобы отваги мне прибавить! Теперь, когда дело сделано, он все одно грозит лютой смертью...»

«Ку-ка...»

Наблюдая за грозным видом малолетнего господина, Ху Сун едва сдерживал смех. Поймав очередной требовательный кивок, он подхватил корзину и торопливо скрылся в направлении кухни.

Ху Пэй же направился к себе. Слуги принесли горячей воды для омовения, после чего он сменил платье на легкие домашние одежды и с наслаждением опустился на мягкую постель.

Спустя некоторое время в комнату без стука ураганом ворвался покрасневшийся Ху Ян:

— А-Пэй, я все устроил! Погоди, да ты никак опять дрыхнешь?

Тот лишь приоткрыл туманный со сна взор и едва заметно повел бровью — этот взгляд обладал удивительным свойством мгновенно лишать старшего брата дара речи.

Ху Пэй вновь зарылся лицом в шелковые подушки и сонно пробормотал:

— Я сплю. Избавь меня от своих криков.

— Погоди, не спи! Твои слова... это было нечто невероятное! — Ху Яна буквально распирало от восторга. Не имея возможности заглянуть брату в лицо, он уселся прямо на край постели.

Ему во что бы то ни стало требовалось поделиться пережитым триумфом:

— Слушай же! Стоило мне передать твои слова про ослепшего петуха и почившую отвагу, как лицо господина Чао Гана, который как раз отдыхал по случаю праздника, мгновенно пошло багровыми пятнами! Я-то грешным делом подумал — ну все, сейчас разразится буря, велит слугам меня взашей вытолкать. И что бы ты думал? Он не просто смолчал, а с величайшим почтением лично проводил меня до самых ворот! А этот толстяк Чао Цо в то же самое время рыдал где-то в глубине усадьбы. Клянусь, его завывания были слышны чуть ли не у парадного входа! Ха-ха-ха!.. А еще, представляешь...

Не удостоив его ответом, Ху Пэй лишь глубже зарылся в пуховую перину и повернулся к говоруну спиной.

— Эй, соня, ты меня вообще слушаешь? — Ху Ян легонько потряс его за плечо.

В этот самый момент за дверями покоев раздался строгий, не допускающий возражений голос хозяина дома и отца семейства, великого церемониймейстера Ху Юньшэня:

— Подите и позовите вашего молодого господина. У меня к нему серьезный разговор.

Слуги в панике переглянулись. Ху Сун незаметно пихнул локтем Ху Линя, безмолвно приказывая тому принять удар на себя.

Тот сердито зыркнул на приятеля и, собравшись с духом, почтительно обратился к родителю через занавесь:

— Господин, девятый молодой господин едва переступил порог, как тут же изволил лечь почивать. Шестой молодой господин сейчас пытается разбудить его, но пока безрезультатно.

Услышав это, Ху Юньшэнь лишь тяжело вздохнул. На его гладко выбритом, холеном лице отразилась крайняя степень досады.

Входить внутрь и наткаться на ледяное безразличие младшего сына ему не хотелось.

— Пусть явится ко мне после полудня, — недовольно бросил он. — Раз уж сам заварил эту кашу, пусть сам и расхлебывает. И не забудьте подать ему обед. Передайте, чтобы берег здоровье и не смел растрачивать золотые годы юности на беспробудный сон.

Удостоверившись, что слуги покорно склонили головы, хозяин поместья заложил руки за спину и неспешно удалился.

Ху Ян, подслушивавший у самой двери, с облегчением перевел дух и вернулся к постели. Глядя на безмятежно спящего брата, он лишь покачал головой и проворчал:

— Ну и соня... Кабы не знал, кто твои родители, решил бы, что ты в прошлой жизни боровом был.

Ху Сун и Ху Линь за порогом дружно прыснули в кулак.

Когда раздосадованный Ху Ян вышел в коридор, Ху Сун угодливо поинтересовался:

— Молодой господин, дела на сегодня улажены. Не соизволите ли вы вернуться в покои третьего господина к полуденной трапезе?

— Хм, — хмыкнул Ху Ян. — Разве ты не слышал, что только что изволил сказать почтенный дядя? «Сам заварил, сам и расхлебывай». Думается мне, не успею я дойти до своих покоев, как из резиденции младшего министра образования уже пришлют приглашение на имя нашего батюшки. Уверен, на этом история не закончится. Не зря же наш Сяо Цзю велел мне передать те загадочные слова. В них явно скрыт двойной смысл.

<http://bllate.org/book/18313/1758162>